

УДК 1 (091)

М.Н. Вольф

ПРОБЛЕМА ПОИСКА У АРИСТОТЕЛЯ

Поднимается вопрос о методах поиска у Аристотеля. В философии Аристотеля представлено значительное число различных видов поиска: эмпирический, эндоксический, практический, теоретический, поэтический, диалектический, эпистемический, этический, философский. Попытка унифицировать эти виды поисков ведет к формулировке двух проблем: проблемы соотношения и проблемы согласования поисков. Эти две проблемы подробно анализируются. Кроме того, анализируется представление о поиске у Аристотеля в контексте проблематики поиска в предшествующей философии, прежде всего, в контексте платоновского парадокса Менона. Приведены некоторые варианты возможных преодолений этого парадокса у Аристотеля.

Ключевые слова: Аристотель, поиск, метод, парадокс Менона, эпистема, эпистемический поиск.

Метод исследования в целом для Аристотеля подразделяется на две составные части: эмпирическая наука и философская аргументация. В соответствии с этим различаются два вида поиска: эмпирический (или практический) и философский (или эндоксический) [1. Р. 242]. Г. Оуэн, уточняя методы, используемые Аристотелем, делает вывод, что следует различать два метода: собственно научный метод и эндоксический метод [2]. Возникает вопрос: должны ли мы отождествлять эмпирический (практический) и собственно научный метод? Ниже мы попытаемся ответить на этот вопрос, и для начала нам нужно определить характерные черты эндоксического метода.

Эмпирический метод опирается в основе своей на явления или чувственные данные, а источником философского метода являются общепринятые мнения (*endoxa*), поразумевающие авторитетность исходных убеждений о предмете исследования. По сути, эти общепринятые мнения также восходят к некоторым наблюдениям, но их истинность или приемлемость определяется через уже обретенную ими за прошедшие поколения исследователей теоретическую форму, хорошо проверенными и утвердившимися доводами и аргументами, либо на основании тех или иных дедукций. Чем, в свою очередь, определяется истинность чувственных данных в рамках эмпирического (или практического) метода? Как кажется, чувственные данные о внешнем мире или о внутреннем состоянии человека не несут исчерпывающей информации. Разумеется, эмпирический поиск исходит из явлений (фактов феноменального мира, переживаний, поступков), но они в любом случае должны пройти какую-либо проверку. Так, в «Никомаховой этике» Аристотель полагает, что переживания или поступки проходят проверку посредством рассудительности, и без этого сознательный выбор не будет правильным («Никомахова этика», 1145a1-8)¹. В однозначном

¹ «Никомахова этика» здесь и далее цитируется по изданию: [3] (Пер. Н.В. Брагинской).

приложении к этике, к принципам поведения такой поиск получает также название этического. В свою очередь, эндоксический поиск, основанный на общепризнанных наблюдениях или утверждениях, подразумевает, что лежащие в его основе общепринятые мнения оказываются таковыми, поскольку согласуются с некоторой наилучшей теорией; если же нет, то они могут быть отброшены [1. С. 242]. Если же учесть то, что Аристотель говорит (в «Топике» – 104a8) – «диалектическое же положение есть вопрос, правдоподобный или для всех, или для большинства людей, или для мудрых – всех, либо большинства, либо самых известных из них, т.е. согласующийся с общепринятым» – становится ясно, что под эндоксическим поиском фактически понимается диалектический. Сам Аристотель характеризует задачи (или, как он выражается, пользу диалектического исследования) следующим образом: «для упражнения, для устных бесед, для философских знаний», при этом хорошо видно, что диалектический поиск также опирается на общепринятые мнения и полагает своим результатом истинное или ложное, а также познание первых начал всякой науки («Топика», 101a25-40)¹. В таком случае, противопоставляя этот метод эмпирическому, можно назвать его теоретическим. При этом как в случае эмпирического, так и диалектического поиска мы имеем дело с одной и той же схемой познания: наличествующие феномены (принципы поведения) либо согласуются, либо не согласуются с имеющейся теорией (общепринятым мнением, авторитетным суждением), это согласование устанавливается посредством некоторого стандартного набора аргументов. В зависимости от результата проверки рассматриваемые феномены будут либо отброшены как несостоятельные (неприемлемые), либо, наоборот, будут объяснены. Должны ли мы в таком случае считать, что научный метод должен быть только эмпирическим, а философский – сугубо теоретическим или, напротив, признать, что между ними не существует принципиальных различий?

Помимо двух указанных видов, можно обнаружить еще один вариант различения поиска. Аристотель различает поэтический, теоретический и практический разум («Метафизика», VI 1, 1025b25)², и в соответствии с этим также можно говорить о поэтическом, теоретическом и практическом поиске. Чаще всего в круг интересов исследователей попадают два последних вида, о них мы и будем говорить далее. На первый взгляд в отношении этих видов поиска те выводы, к которым мы пришли выше, кажутся приемлемыми: теоретический поиск должен быть ориентирован на теоретические конструкции, как, например, эндоксический (диалектический или философский) поиск, практический же – соотноситься с любыми видами эмпирических изысканий. В действительности же картина предстает несколько иной. Вот что пишет об этом Е.В. Орлов, оговаривая, что философия Аристотеля подразделяется на практическую и теоретическую философию: «Теоретическая философия состоит из аналитики, первой

¹ «Топика» цитируется по изданию: [4] (Пер. М. И. Иткина).

² Как указывает Е.В. Орлов, Аристотель в «Никомаховой этике» искусство относит к поэтическому разуму, эпистему, ум и софию – к теоретическому, рассудительность – к практическому [5. С. 71].

философии (учения о сущем и едином, поскольку они сущее и единое) и второй философии (учения о сущем, поскольку оно движется)» [6. С. 21]. Иными словами, теоретический поиск имеет отношение к «Аналитике», «Метафизике» и «Физике». Далее Е.В. Орлов замечает, что поиск, о котором идет речь во «Второй Аналитике», следует называть «научным поиском» или «эпистемическим поиском», поскольку он направлен на отыскание *эпистемы* [6. С. 21]. Е.В. Орлов также пишет, что целью практического ума (и, вероятно, практического поиска) и его предметом стремления оказывается *благо* [5. С. 60], из чего следует, что практический поиск имеет отношение прежде всего к этике и, как и в нашем предшествующем рассуждении, совпадает с этическим. С другой стороны, имеется проблема, хорошо описанная в [7]: Аристотель относил этический поиск к практическому поиску, а следовательно, не считал его философским предприятием и не говорил о практическом направлении *философии*; тем не менее, не употребляя фразы «практическая философия», фактически вводил такое понятие, чтобы отличать этику, политику и поэтику от других дисциплин, характеризуя свои этические исследования как философские [7. Р. 57–58]. Точно так же тексты Аристотеля допускают неясность и в отношении других видов поиска: считать ли их теоретическими или практическими. Например, диалектический поиск, как направленный на установление истинного и ложного в отношении своей цели, должен быть квалифицирован как теоретический (а именно, эпистемический), поскольку в результате такого поиска мы приходим к истинному знанию, такому, которое «не может быть иначе», т.е. к эпистеме; но опирается этот метод все же на общепринятые мнения и устоявшиеся аргументы, а не на конкретные факты, что сразу переводит его в разряд практического (как не эмпирического, не научного, в понимании Аристотеля), но и в отличие от практического поиска, который не является в полной мере философским, диалектический поиск существует именно «для философских знаний»¹.

Итак, нам уже ясно, что Аристотель различает разные способы поиска, - с одной стороны, эмпирический и эндоксический, с другой – теоретический и практический, более того, уточняя содержание этих понятий, нам пришлось также говорить о философском, этическом, диалектическом и эпистемическом поиске. Каждый из этих видов поиска, вероятнее всего, применим в соответствующих науках, вопрос только в том, к какой науке отнести каждый из видов поиска, какой именно поиск подразумевается Г. Оуэном, когда он говорит о собственно научном методе, и какой из данных методов Аристотель считал исходным или базовым для других, если вообще о таком помышлял.

Таким образом, мы можем сформулировать две основные проблемы, которые возникают при попытке описать методы или принципы поиска у Аристотеля: проблема соотнесения поисков и проблема согласования поисков.

Что касается *проблемы соотнесения*, ее можно сформулировать следующим образом. В философии Аристотеля различается практический и созер-

¹ При этом, как указывает Е.В. Орлов, истина имеет отношение к обеим мыслительным частям души – и к эпистемической, и к доксамической, т.е. к теории, но не распространяется на праксис, хотя вопрос о том, существует ли «практическая истина» и в чем она заключается, остается открытым [5. С. 76].

цающий (теоретический) ум, оба эти умы преследуют разные цели: практический ум ищет правильность, теоретический – истинность [5. С. 59–60]. Практический ум, характеризуемый Е.В. Орловым как «критический» (от греч. гл. *krinō*, «чувственно различать»), опирается на чувственные восприятия и «оказывается способностью распознавать предметы» [5. С. 60]. Теоретический ум направлен на отыскание истины, того, что не может быть субъективным или изменчивым, на то, что абсолютно. Вот тут-то и возникает проблема: с одной стороны, насколько у Аристотеля теоретический и практический ум соответствуют теоретическому и практическому поиску, и, с другой стороны, направлен ли практический поиск только на отыскание чувственно-воспринимаемого и изменчивого, на действия или практику, а теоретический поиск – только на поиск абсолютного, на приобретение знания. И третья сторона проблемы: как мы указали, различие между практическим и теоретическим обычно задается отсылкой к целям того, кто осуществляет поиск. Если цель только в том, *что делать*, – поиск практический, если же ищутся закономерности, объяснения, предсказания и т.п. – поиск теоретический [8. 436]. И собственно проблема, как она формулируется в [8. Р. 435], заключается в том, будут ли эти различия таковыми, что логические и эпистемологические теории будут приложимы только к теоретическому уму, и такой поиск будет неадекватен для практического. Таким образом, можно говорить о том, что содержание и цели двух указанных видов познания существенно отличаются, но при этом нет никаких оснований считать, что и отношения между практическими результатами и их основаниями формально отличаются от отношений между теоретическими результатами и их основаниями [8. Р. 435].

Вторая проблема – *проблема согласования* поисков, в частности, установления однозначного соответствия эмпирического, эндоксического, диалектического, этического поисков как между собой, так и в отношении принадлежности каждого из этих видов поиска к теоретическому или практическому. Эту проблему лучше проиллюстрировать на конкретных примерах.

В частности, способ исследования, изложенный во «Второй Аналитике» – эпистемический поиск, – должен быть применим к науке как поиск *эпистемы*. Причем, как кажется, только к такой науке, которую, по словам Г. Оуэна, следует рассматривать как «формально дедуктивную систему, основанную на необходимых истинах» [2. Р. 239], а именно так мы бы охарактеризовали теоретическую науку. Но в «Аналитиках» Аристотель демонстрирует двоякий интерес к науке: с одной стороны, это способ достижения ее законченного состояния (*эпистема* как то, что «не может быть иначе», абсолютное и неизменное знание), с другой – отыскание предварительных данных, из которых наука исходит (фактическое положение дел, данные, основанные на наблюдениях), т.е. речь идет не только о способе вывода, но и об установлении специальных гипотез и определений, из которых этот вывод следует и которые основаны на наблюдаемых явлениях¹. Эти два процесса в «Аналитике» разводятся, и в принципе их можно считать двумя разными способами поиска

¹ Как характеризует этот процесс Г. Оуэн, «повсюду [имеются в виду «Аналитики». – М.В.] он [Аристотель] рисует такую же бэконскую картину: *phainomena* должны собираться в качестве вводной части к отысканию теории, которая бы их объясняла» [2. Р. 234].

и применения принципов построения науки [2. Р. 239]. Кроме того, второй процесс явно сопоставим с тем, что мы наблюдали в отношении практического и диалектического поиска в начале статьи. Фактически, мы имеем дело с элементами эмпирического (т.е. практического) поиска, тесно спаянными с элементами эпистемического (т.е. теоретического) поиска.

Точно так же мы не найдем четкой градации между этими двумя видами поиска в «Физике»: хотя она и относится Е.В. Орловым к теоретической философии, в действительности не содержит четкого разграничения между процессом установления гипотез и поиска определений, с одной стороны, и принципами вывода, с другой стороны, здесь эти два вида поиска зачастую смешиваются. Хотя в нашем современном понимании именно физика наиболее полно соответствует требованиям теоретической науки. Аристотель же именно в «Физике» активно апеллирует к общепринятым мнениям (*endoxa*), ссылаясь на Гесиода, Парменида, Зенона, вообще на предшествующую философскую традицию, и использует аргументы, установленные его предшественниками, а вопросы, которые он решает, связаны с такими вещами, которые имеют очень отдаленное отношение к тому, что хотелось бы назвать явлениями или фактами: место, пространство, время, движение и т.п. Таким образом, он использует скорее эндоксический метод, чем собственно эпистемический (в рамках которого мы сначала ищем феномены, затем на их основании формулируется теория, которая объясняла бы эти феномены). В таком случае, вероятно, относить «Физику» к теоретическим дисциплинам не совсем корректно. И как ни странно, более теоретическими в этом отношении оказываются описательные дисциплины, такие как астрономия или биология, в большей мере соответствующие требованиям эпистемического поиска, и разногласия между методами «Аналитик» и описательных дисциплин оказываются не столь существенными, как между «Аналитиками» и «Физикой». Таким образом, все три названные теоретические дисциплины, для которых на первый взгляд характерен теоретический поиск, оказываются в отношении приведенных выше разделений видов поиска не равнозначными: для «Аналитик» (а вместе с ними любые дескриптивные науки, опирающиеся на *phainomena*) характерен эпистемический поиск, для «Физики» – отчасти эпистемический, отчасти – диалектический (эндоксический), и для «Метафизики» – сугубо эндоксический¹.

Таким образом, найти однозначный ответ на поставленный вопрос – о соотношении методов – трудно, если вообще возможно. Не исключено, что Аристотель мог вообще писать о методах *ad hoc*, не пытаясь универсализовать или согласовать свои представления о поиске в различных трактатах корпуса своих сочинений. Поэтому, исходя из наличия имеющихся

¹ Существует и определенная проблема в понимании *phainomena* у Аристотеля, во всяком случае, с употреблением этого слова в «Физике». Г. Оуэн комментирует ситуацию следующим образом. *Phainomena* часто переводится как эмпирические наблюдения, т.е. понимается буквально, как феномены. Это верно для сугубо эмпирических, дескриптивных наук, например биологии, но совершенно не годится для физики, где содержание скорее иллюстрируется эмпирическими данными, чем на них основано [2. Р. 240]. В контексте физики *phainomena* должны пониматься не как наблюдаемые факты, а как *endoxa*. Таким образом, если согласиться с аргументами Оуэна и признать, что *phainomena* тождественны *endoxa* в части недескриптивных наук, тогда указанное выше затруднение отчасти снимается.

проблем и не имея возможности решить их однозначно (во всяком случае, в рамках настоящей статьи - такое решение требует существенно больше усилий и места), можем попытаться оценить точку зрения Аристотеля на поиск вообще, помещая представления Аристотеля о поиске в аналогичный контекст предшествующих исследований. В частности, сделать это в контексте платоновских представлений о поиске и содержания той проблематики, которая этот контекст формирует.

Собственно проблема поиска у Платона, как она была реконструирована нами из диалога «Менон», подводит нас к идее о невозможности поиска вообще и формулируется следующим образом: если мы уже знаем о вещи, то искать (*zēteō*) знания дальше бессмысленно – мы уже обладаем знанием (Z1); если мы не знаем ничего, то никогда не сможем узнать (Z2), во-первых, в силу того, что если мы не знаем, что искать, то и не найдем, и даже если случайно наткнемся на искомое, не имея никаких указаний, что это именно то, что мы ищем, мы не сможем определить, то ли мы нашли; во-вторых, даже если у нас есть какое-то предварительное, неполное знание, то уточнить его мы тоже не в состоянии, потому что не имея полного, абсолютного знания о вещи, невозможно полагать, что имеющееся у нас частичное знание действительно является истинным [9]. Платон выходит из ситуации не через логическое решение парадокса, а фактически обходит парадокс и постулирует, что независимо от того, можно искать знание или нельзя, искать его нужно [9. С. 154].

Исходные установки Аристотеля в отношении поиска в целом, во всяком случае как они представлены во «Второй аналитике», соответствуют тем, которые были сформулированы Платоном, и отвечают тому, что уже знакомо нам по анализу парадокса Менона у Платона. В первую очередь, это включение в обсуждение посылок Z1 и Z2 в отношении принципов поиска: следует ли искать то, что уже известно (Z1), или следует искать то, что не известно в принципе (Z2). Предшествующая античная традиция, если помещать ее в контекст вызова парадокса Менона, отвечала бы на этот вызов следующим образом: прежде чем искать что-либо о вещи, мы должны иметь хоть какие-то исходные указания на то, что именно мы ищем, и эти исходные указания не должны носить абсолютный характер – тот, кто ищет, не должен быть уверен в полноте знания о вещи, поскольку наличие мнения не способствует поиску, - ищущий *уже знает*, и уверенность в этом знании лишает его стимула для дальнейшего поиска уточняющего содержания своего знания. Соглашается с этими принципами и Аристотель. Он полагает, что всякое научение или знание должно основываться на ранее имеющемся знании, причем сам Аристотель различает несколько его вариантов - «предшествующее знание», «предположение», «предзнание» [5. С. 40–48]. О том, как необходимо иметь предварительное знание, Аристотель поясняет на ряде примеров («Вторая аналитика», 71a 1–25). В противном случае неизбежны трудности, аналогичным образом сформулированные и в «Меноне», и у Аристотеля: «а именно либо ничему не научаются, либо научаются только тому, что уже знают» («Вторая аналитика», 71a 29–30)¹. Далее по тексту Аристотель приво-

¹ «Вторая аналитика» цитируется по изданию: [10] (Пер. Б.А. Фохта).

дит некоторые примеры, которые показывают, каким образом, с его точки зрения, устраняются трудности парадокса, причем все они сводятся к наличию некоторого либо общего, либо предшествующего знания об искомом. Вердикт, который выносится относительно затруднений парадокса, также вполне вписывается в те схемы, которые были рассмотрены ранее: «ничто (как я полагаю) не мешает, чтобы некоторым образом знали изучаемое, а некоторым нет. В самом деле, нет ничего нелепого в том, что кто-то каким-то образом знает то, что он изучает, но нелепо было бы, если бы он уже знал это так и таким способом, как он его изучает» («Вторая Аналитика», 71b 5–10).

Разумеется, то, о чем идет речь, не является логическим решением парадокса. Утверждение, что поиск должен полагаться на некоторое предзнание о вещи, не избавляет от необходимости доказывать истинность этого предзнания. И даже если, как это делает Аристотель, в качестве самого исходного предзнания мы будем принимать чувственные данные, мы все равно остаемся в тисках парадокса: если мы признаем, что наши чувственные данные истинны, то по (Z1) мы уже обладаем полнотой абсолютного знания, и дальше искать необходимости нет. Если же мы признаем чувственные данные только в качестве исходных допущений для построения знания, то по (Z2) дальнейший поиск невозможен, так как мы не знаем, что именно мы ищем, и не обладаем уверенностью в истинности самих чувственных данных.

Таким образом, то, что зачастую называют «решением Аристотеля» парадокса Менона, на деле оказывается аналогичной платоновской попыткой обойти затруднения парадокса. В этой попытке Аристотель не учитывает того затруднения, которое мы при разборе предпосылок для окончательной формулировки парадокса у Платона обозначили как *второй тезис*: «Невозможно установить, что есть *часть* конкретной вещи (*F*), не зная, что есть сама эта вещь» [9. С. 150–153]. Более того, для Аристотеля как раз этот вариант и оказывается приемлемым вариантом осуществления поиска – «нет ничего нелепого в том, что кто-то каким-то образом знает то, что он изучает», – очевидно, полагая возможным и продуктивным принцип поиска целого по его частям, хотя согласно второму тезису невозможно установить, с частью какого целого мы имеем дело, не зная предварительно этого целого.

Другое дело, что в доктрине Аристотеля имеется существенное уточнение в отношении понимания поиска: всякий поиск возможен только там, где нет эпистемы, а сама эпистема – это конечный итог всяких поисков в некоторой отдельно взятой области, точное научное знание. Вообще, греческое слово *эпистема* чаще всего переводится как наука или знание в его противопоставлении искусству или ремеслу (*technē*), которые противопоставляются как теоретическое и практическое. Ищет тот, кто не имеет устоявшегося мнения, позиции, тот, кто принимает решение, например, относительно совершения доброго или злого поступка (таким образом, как мы показали выше, анализируя проблему соотношения, цель будет различаться, но принцип поиска во всех случаях один и тот же). При этом, в отличие от предыдущей традиции рассмотрения поиска, Аристотель уже четко различает между *практическим* поиском и таким, который будет специфичен для теоретической философии, а именно для аналитики, т.е. *эпистемический* поиск [6]. В таком случае эпистему следует понимать как теоретическое зна-

ние. Такое теоретическое знание, или науку, следует, разумеется, отличать от понятия современной науки. Обсуждая нюансы понимания эпистемы у Аристотеля, Е.В. Орлов пишет, что если Платон понимал эпистему в свете проблематики узнавания и определения, то Аристотелю важно подойти к этому вопросу с позиций различения присущего в сути и сопутствующего самого по себе, в связи с чем он называет эпистемой прежде всего «доказательство присущности одного другому, т.е. доказательство сопутствующего самого по себе. *Эпистема* стала не определением, а доказывающим силлогизмом» [5. С. 106].

В целом, важным для философии Аристотеля оказывается не столько различение практического и теоретического разума, сколько акцент на различении практического (этического) и эпистемического поиска как сугубо новаторских именно для философии Аристотеля, поскольку все другие виды поиска в какой-то мере можно отследить в предшествующих философских учениях. Е.В. Орлов пишет: «Аристотель истолковывает философию своих предшественников как философию практического разума, а от себя добавляет философию теоретического разума» [5. С. 58]. Выше мы уже говорили о том, что представление о «практической философии» достаточно спорно в свете проблематики поиска у Аристотеля, и вопрос, можно ли считать собственно философским то, в основании чего лежат *phainomena*, а не *endoxa*, открыт. Но различение поисков по конечной цели – действительно новаторский элемент аристотелевской доктрины и именно этот момент лежит в основании различений этического и эпистемического поисков. Поиск может пониматься как эпистемический (поиск причины и истины) и этический («поиск средств достижения блага для себя и для государства (полиса)») [5. С. 148]. При этом и силлогизмы – еще один хрестоматийный элемент новизны аристотелевской философии – будут различаться как практические, так и эпистемические, но первые «относятся к тому, что может быть иначе, и по отношению к чему надо принимать решение, а эпистемические – к тому, что не может быть иначе (о том, что не может быть иначе, решения не принимаются), а также в том, что в практических силлогизмах вместо заключения следует поступок (*praxis*), а не заключение силлогизма в виде пропозиции» [6. С. 21–49. С. 44]. Эпистемическое «существует с необходимостью, а значит, вечно, ибо все существующее с безусловной необходимостью вечно, вечное же не возникает и не уничтожается» («Никомахова этика», 1139b 20–25). В таком виде Аристотель фактически перетолковывает парадокс Менона на свой манер: не как затруднение, а как необходимое движение от Z2 к Z1 – от недостаточного знания к абсолютному. Причем если (в полном согласии с Платоном и всей предшествующей традицией) первая посылка – неизвестное нельзя найти – отбрасывается полностью и постулируется необходимость такого поиска, то вторая посылка (рассматриваемая и Платоном, и предшественниками в духе второй – к полноте знания можно только стремиться, абсолютное знание недостижимо, а потому Z1 сводилась к Z2) у Аристотеля начинает рассматриваться сугубо в ключе собственно парадокса Менона – если мы достигли абсолютного знания, поиск останавливается и абсолютное знание достижимо. То есть Z1 становится не тупиковым вариантом поиска, который не берется в

расчет, а целью и смыслом подлинного поиска. Таков взгляд Аристотеля на парадокс Менона, если рассматривать его в контексте поиска.

В целом, если обсуждать точку зрения Аристотеля применительно к науке, поскольку именно точное научное знание оказывается конечной целью эпистемического поиска (а в свете «решения» парадокса Менона – и любого поиска как познавательного принципа вообще), то Стагирит не регламентирует поиск как таковой, признавая любой метод исследования. Аристотель регламентирует не то, как мы достигли наших результатов, или то, в чем состояли шаги поиска, для него наиболее важным представляется конечная цель и конечное оформление этих результатов. Нетрудно согласиться с М. Нуссбаум, что для Аристотеля неважно, как мы пришли к тому или иному знанию, но если в результате нашей работы мы в состоянии дедуцировать выводы из приемлемого первого принципа, то и сам поиск может считаться приемлемым [11. Р. 111]. То есть для Аристотеля важно продемонстрировать не то, что некоторое знание (сродни мнению) достижимо вообще, ему важнее продемонстрировать, что у исследователя имеется возможность достигать именно подлинного, конечного знания; именно поэтому *эпистема* является тем, что не может быть иначе, то, что не может быть рассмотрено с позиций истины или лжи, поскольку для подлинного знания не существует ни правильность, ни ошибочность – оно вне эталонных измерений. Свой поиск ученый может начинать с какой угодно точки, может приступать к нему вообще без всякого силлогизма, но если он хочет кого-то убедить в эпистемологическом статусе своих результатов, в их подлинности, то формировать эти результаты следует в дедуктивной форме [11. Р. 111]. На основании этих доводов следует признать, что статус эпистемического поиска более высок, чем статус не только практического поиска, но и любого поиска вообще, и если мы находим составные части как практического поиска, так и теоретического поиска в одной и той же дисциплине, именно ее эмпирическая (эпистемическая), а не философская составляющая будет иметь более высокий статус и более весомое значение.

Таким образом, расхождения между дисциплинами практического и теоретического характера не должны переноситься также и на методы. Эпистемический метод поиска как излагающий *принципы* дедуктивного вывода и построения и поиска определений, но при этом исходящий из анализа *phainomena*, на наш взгляд, является *базовым*, или лучше сказать проверочным, для любого иного поиска; в противном случае, диалектический метод, также опирающийся на умозаключения, а не на авторитетные суждения предшествующих поколений философов, как следовало бы эндоксическому методу, не смог бы служить диалектике, закладывая начала всех остальных учений. Иными словами, поиск действительно можно начинать с любой точки, использовать его для любой дисциплины, только учитывая расхождения в объектах и сути самих методов, но убедительными результаты такого поиска будут только в том случае, если оформить их в дедуктивной форме, прибегнув к принципам эпистемического поиска.

Литература

1. Irwin T. Aristotle // A Companion to Epistemology (Blackwell Companions to Philosophy). Second Edition. T. 4. Ed. by J. Dancy, E. Sosa, M. Steup / Willey-Blackwell, A John Wiley & Sons, Ltd., Publication, 2010. P. 240–244.
2. Owen G.E.L. 'Tithenai ta phainomena' // Logic, Science, and Dialectic. P. 239–251.
3. *Аристотель*. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. / Общ. ред. А.И. Доватура; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с. (Филос. наследие. Т. 90).
4. *Аристотель*. Топика // Сочинения в четырех томах. / Ред. З. Н. Микеладзе; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
5. Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля / Отв. ред. В.П. Горан; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
6. Орлов Е.В. Аналитика Аристотеля // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2008. Т. II, Вып. 1. С. 21–49.
7. Engberg-Pedersen T. Practical Inquiry and Practical Philosophy in Aristotle // Danish Yearbook of Philosophy. 1985. № 22. P. 57–63.
8. Wallace J.D. Practical Inquiry // The Philosophical Review. 1969. Vol. 78, №. 4. P. 435–450.
9. Вольф М.Н. Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 146–159.
10. *Аристотель*. Вторая аналитика // Сочинения в четырех томах. / Ред. З.Н. Микеладзе; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
11. Aristotle's "De Motu Animalium". Text with translation, commentary, and interpretive essays by Martha Craven Nussbaum. Princeton University press, 1978.